

Ума потуги и порывы сердца

12+

Вадим Субботин

Вадим Анатольевич Субботин

Ума потуги и порывы сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44010628

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга, попавшая вам на глаза, представляет из себя сборник стихов, вдохновлённый наблюдением беспощадной действительности с её редкими светлыми проблесками надежды.

Содержание

Вдохновение	5
Опустошенность	7
Мелочность	8
Прощание	10
Закономерность	12
Покаяние	14
Неотвратимость	16
Порочность	18
Очи	21
Благодать	23
Страсть	25
Любовь	26
Мученик	28
Безмятежность	30
Многогранность	32
Революция	36
Милосердие	38
Праведник	40
Вопль	42
Бог	44
Воля	46
Пираты	47
Нежность	49

Мизантроп	51
Эгоист	53
Утопия	55
Меланхолия	57
Зависть	59
Страдание	60
Действительность	62
Смысл	64
Я пытался сказать, что люблю	66
Современность	67
Грешник	69
Человек	71
Veritas	73

Вдохновение

Пой, муза юности, и устремляй своё течение,
Рождая свет, корысть, влечение.
Тобой, к несчастью, многое воспето,
Что суетливо, глупо и раздето.

Создашь ты образов великие наряды,
Украшишь ложью рабские, кровавые парады.
Клеймишь порок и отторгаешь добродетель.
Поэт будет преступник и свидетель.

Пера невозмутимый страстный почитатель,
Поэм туманных дерзкий обожатель
Возносит всё, что мог представить ясно,
Пусть и наивно, горько и напрасно.

Предел однажды просто исчезает,
Себя простак за то не порицает,
Но вскоре пламя, завлекая, обжигает
Всех, кто душою скуп, мечтою развращает.

Не обуздать поток энергии вселенной
Губительной, целительной, отменной.
В единстве с ним залог божественного мира,
О чём вещает нам прославленная лира.

Опустошенность

Вот счастья миг, увеселений стая,
Мечтою существуя и мгновенья ожидая,
Поработите душу праведника дерзко,
Сжигая плоть и оскверняя мерзко.

Погаснет взор, как старая лампада.
Внемля грехам, душа отдаться рада.
Тоска исчезнет, сердце воспарит мгновенно,
Дабы проститься с горем, что царит нетленно.

Как это будет жалко и убого!
Лишь взоры чуждые тебя оценят строго.
Ты, тот, кто пустоты и желчи был исполнен,
Отныне цел, силен, безмолвен.

Нет жажды расточать пустые речи,
Бахвалясь подвигом почившего предтечи.
На мир взираешь, улыбаясь без причины,
Не замечая духа зла и чертовщины.

Мелочность

Свет, что на землю ровно ниспадает,
Душа, что, молча притаившись, вдаль взирает —
Всё было в сердце человека изначально
Твердо, как сталь, и как мечта, хрустально.

Досада, вера и нелепая любовь
Людей тревожили, взимая подло кровь.
Монеты жизни стали оценимы.
Добро со злом в смешенье вновь едины.

Таится в этом прелесть горемычных,
Душою чистых, взглядом неприличных.
Горит навек их развращающее пламя,
Несут на головах своё погибельное знамя

В толпе те существа становятся едины,
Не видя края и не зная середины,
Вгрызается животных алчных окровавленная пасть
В то, что поныне именуется как власть.

Там нет иллюзий, нет сомнений,
Неведома для бесов тяжесть угрызений.
Их взгляды жадно пожирают всё земное.
Пред холодом могилы всё пустое.

Прощание

Исчезла та, что ярче солнца мне светила,
Старела плоть и увядала творческая сила.
В моих объятьях спешно слёзы проронила,
В свою обитель призвала её могила.

Подобно зверю, что охотником затравлен,
Я с ней расстался, крышкой серою придавлен.
Погребены мечты под тяжкий камень,
Бушует в сердце горя пламень.

Исток желаний грешника немого,
В печали павшего, безумного, иного.
Разбитый горечью тоски надменной,
Он тяготился участью судьбы презренной.

В глазах останутся навечно гибельные слёзы.
Распяты горем истины, убиты грёзы.
В чём мог помыслить жизни смертной дивный час,
Отныне мрак, где светоч нежности погас.

Где мог, искал он тщетно утешенья.
Для боли той мне не найти удачного сравненья.
Истаял ангел, исчезая в тусклом свете.
Лишь смерть была за то в ответе.

Закономерность

Цепляясь за жизнь стальной рукою,
Он власть получил над мятежной судьбою.
Не стало кумиров во мраке ненастья,
Он заперт в мечте из греха и злосчастья.

Та бездна обширна, страшна горьким станом,
Изражена истина подлым обманом.
Покой не приходит, но жизнь скоротечна,
А мука души, к сожалению, вечна.

Её не обманешь словами дурного веселья.
В итоге наступит эпоха похмелья.
Отвратны все лица в толпе вездесущей,
В желаниях смертной, в тоске всемогущей.

Ей незачем знать, кто виновен в пороке.
Карает она на суровом уроке.
Скрижали кровавы, глазами дурными
Разрушит она черепами гнилыми.

В гнетущих оковах там жизнь прозябает,
Кого-то отпустит, кого-то поймает.
В глазах её сохнут погибели слёзы,
Дыхание жизни, прощание розы.

Покаяние

Сокроет мрак моё порочное желанье,
Тоскливой осени прощальное свиданье.
Её унылый взгляд и нежность в каждом слове
Похитят истину, развенчанную в споре.

Сладка та горечь увяданья дикой силы,
Сошествие любви в снега жестокие могилы.
Заледенеют очи в холодах разящих,
Об истине тщеславно с желчью говорящих.

Свет в зеркале потонет праздно,
Забрав с собой всё то, что безобразно.
Дверь отопрёт метель, и гибельная стужа
Поработит мгновенно смелость мужа.

Цепями прочными окутаны зарницы.
Взирает с вышины под видом синей птицы
Тот, кто в ответе за пытающие слёзы,
Хозяин бурь, рождающий морозы.

Сложите руки, молча преклонитесь,
Земли священной трепетно коснитесь,
Отбросьте мысль и, духом вопрошая,
Падите ниц, прощенья желая.

Неотвратимость

Отбрось тоску, носитель мрачной тени,
И встань с колен, разрушив цепи лени.
Пусть помутневший взгляд вновь станет ясным,
Могучим, ярким, полновластным.

Крепки канаты праздного томленья.
Желая страсти, вождедея преступленья,
Ты отказал себе во всех желаньях,
Укрывшись во дворце и ледяных мечтаньях.

Как долго гнили человеческие грёзы,
Пленяемые сном, влекущие морозы.
Крик стихнет, быстро увядая,
Боль множится, несчастного терзая.

Лишений бурных череда густая
Причиной не была его гниенья.
Слезой каменной стала душа пустая,
Предав себя, желая избавленья.

Не знал нужды тот дух исполненный печали
Морали кладовые незаметно обнищали
Опасною стрелою множилась тревога
Его ждала известная дорога

Путь что начертан был строптивыми умами
Ждал впереди вонзаясь острыми когтями
Яд неизвестности, миг желчи полный
Являлся перед ним как враг бескровный

Душа металась, сердце сжалось сильно.
Он бога умолял ничтожно и обильно,
Ответа требовал, вопя от страха
Предстать зыбучей горсткой праха.

Слал вздохи, возгласы, проклятья,
Предвидя смерти близкие объятья.
Раскроет истины всем молчаливый тёмный жнец,
Величье мира, славу и позорнейший конец.

Что будет после, разум не узнает.
Явится вновь или во мрак истаёт.
Ответа нет, есть лишь стремленье
Всех истин свету чуждых постиженьё.

Потратив жизнь, испустит дух усталый,
Когда-то гордый, сильный, величавый.
А ныне тень тускнеющего века,
Вместилище любви и горя человека.

Порочность

В чём прелесть тяжкой ноши угнетённых,
В любви стыда грехом клеймённых,
Изобразят красиво жалкую ущербность,
Везде создав необходимую размерность.

Раскинут воплей диких жалобную стену,
Явившись ангелом на опостылевшую сцену,
Расскажет лидер духом нечестивых
Свои мечты в кривляниях слезливых.

Бесстыдство разорит сердца из тлена,
Предавшись власти угнетающего плена,
Пойдут вершить расправы глупые невежды
По воле пёстрой извращающей надежды.

Трон не пустует, он убожеством захвачен.
Яд горький эликсиру будет равнозначен.
Им не целить миры кровавыми дождями,
Укрывшись сильными беспечными вожжами.

Пусть пройдут года, века, тысячелетья.
В эпоху мира или эру лихолетья
Всегда найдётся грешник с целью важной,
Великой сутью и мечтой отважной

Кто встанет на защиту целей благородных
Сердец покорных, слабых, несвободных,
Заполонит пустыни душ в раскаянье глубоких
Пороками простых и взглядом одиноких.

Как жить, приняв на обезличенную веру
Любви и страсти пошлую манеру?
У тех, чьи помыслы в тщеславии жестоки,
Не взять похабности и смелости уроки.

Всегда дурман, всегда лишь бархатные маски,
Изменчивые в цвете и текстуре краски.
Ладони, жадно обнимающие бренность
Тел смертных и тщедушия отменность.

Им покорятся многие древнейшие народы,
Склонятся сильные убожеством уроды,
Копьё вонзят в истерзанную болью спину
Пророку, человеку, херувиму.

Не будет то концом бессчётнейших страданий.
В молчании режут и жаждут содроганий.
Юнцы провозглашают и желают боли,
Не видя ужасов им предстоящей роли.

Царит обман, фальшивое веселье,
Заменил тишину упрямое похмелье,
В котором человек теряет ума ясность,

Познав в стремленьях собственных напрасность.

Пути иные есть, они ещё открыты
Пред всяким, чьи прелестные ланиты
Останутся чисты от злобы проявленья,
Даруя власть погибели и сотворенья.

Очи

Явись на свет, источник дикой страсти,
Над чем нет у воителя жестокой власти.
Склоняешь пред собой святых и палачей,
Даруя силу ночи тысячам очей.

Пылают, жрут судьбу своим сияньем,
Пронзают души обликом мечты и очертаньем.
Обманчивы в орбитах из тревоги,
Как часто вы бываете горды и строги.

Вы те, кто уязвляет сердца жилу,
Открыв свой блеск пылающему миру.
Потухнете, став зеркалом пустынного проклятья,
Даруя миру долгие, но смертные объятья.

Заложники красот дурманящей фигуры,
Вы более не часть весёлой авантюры.
Искра, что прежде своё место знала,
Разила, путала, повелевала.

Теперь же голубое станет серым,
То, что черно, предстанет белым.
И лишь мечта увековечится однажды,
А обстоятельства подобного неважны.

Благодать

Покайся, праведный в злодействах искуситель,
Восстань, могучий в мести праздный разрушитель,
Прерви покой клеймённых роком,
Мир созерцая гибели постыдной оком.

Есть миг, в котором сила даровита,
В нём звёздное течение посредственно разлито.
Всё возвратится к утешающему страху,
Земля – к руинам, человек усталый – к праху.

В том нет трагедии, достойной сожаленья,
Мечты глубокой, не достойной сокрушенья.
Судьбу вершит нелепость случая спонтанно,
В обитель звёзд нас возвращая странно.

Подобную взаимосвязь не разорвать порхающим
желаньем,
Её не подкупить развратным, пошлым обещаньем.
Мир сотворён, увы, не жалким человеком,
Срок жизни исчисляется не кратким веком.

Пренебрегайте сутью помыслов жестоких,
Бегите от тоски и злости одиноких,
Явите свет из червоточины тщеславной силы,

Минуя власть терзающей могилы.

Страсть

Моя любовь холодная, как море,
Великая, как свет, ужасная, как горе.
Как страшен жребий узника в солёных водах,
Во власти злобы и любви тревогах.

Мечтой исполненный, тоскою облечённый,
Бежит в горячке люд смущённый
И падает пред девой, что пленяет
Улыбкой нежной, оком душу посрамляет.

Падут преграды разума умов великих,
Простых, ничтожных, жалких и безликих.
Колено преклонит гордец тщеславный,
По воле неба обретя конец бесславный.

Ей нет желанья странствовать уныло.
Не сядет у костра печально, сиротливо.
Пожары страстные в сердцах воспламенив,
Она истаёт, облик человека исказив.

Любовь

Что есть любовь? Лишь отблеск света,
Мечта нелепого и жалкого обета,
Слабеющие вопли, крики боли,
Венец судьбы для уготованной нам роли.

И всё-таки что в слове том таится,
Что заставляет нас принять и отрешиться
От пылких взглядов и нарядов дерзких,
Недугов плоти и пороков мерзких.

Туман спускается на земли из сапфира,
Чей дух не тлен, дыхание эфира,
Чья длань сладка, легка, безгрешна,
А боль уродлива, трагична, безутешна.

Ей нет преград и нет защиты.
Ласкает нежность пылкие ланиты,
Уста стыдятся молвить ключевое слово,
Как мир старо и как молитва ново.

Желает, тянется в безумии, стремится
Любовь познать, которую страшится.
Она есть тень, клинок, мучитель,
Чертог надежд, покой, целитель.

Мученик

О мученик, чьи крики святы,
Мечты пусты, грехи распяты,
Ты возопил о правде громогласно,
Отбросив страх о казни не напрасно.

Твой зов не смог пробиться сквозь оковы,
Не сжёг тщедушия позорные основы.
Глумились многие, ответив злобе,
До мига покаяния в утробе.

Один лишь взгляд, хоть перебиты члены,
Разбиты ноги и открыты вены,
Один лишь взгляд силён в защите.
Божественное око, спящее в орбите.

Там, где искра, свободная от власти,
Что полнится надеждой, предаваясь страсти,
И истина, которая болезненно сокрыта,
Там спит порой, пьяна и ядовита.

Протягивай к нему смиренно длани
С желаньем беса, взглядом лани.
Покорность и достоинство в нём было слито,
Венком из терний рождено и свито.

Он человек из плоти, не от мира,
О нём не вспомнят в сумраке разбоя пира,
Свеча, чей свет погасят без сомнений,
Без слёз тоски, печали, сожалений.

Ты как икона, пред которой люд, склоняясь,
Не понимает суть и, жалобно кривляясь,
Ты боль, рождённая из угасающего света,
Пороком скорби и тщеславием обета.

Безмятежность

Будь ты король, простой ваятель,
Великих форм причина и создатель,
Дух твой свободен и беспечен,
Но век земной до ужаса конечен.

Путь ты пройдёшь, истают годы
По воле гордой, уязвляющей природы.
На миг с реальностью порочной слиты
Багровые, усталые ланиты.

Идти вперёд, вставать из праха,
Отбросив зло и немощь страха,
Вдаль устремляем мы тускнеющие очи
Целительной волшебной, тихой ночи.

Надежду напоив своим страданьем,
Пленяемые сном, фантомным очертаньем,
Успокоенье ищем в голосах и лицах,
В легендах, мифах, сказках, небылицах.

Но час придёт, и сердце, замирая,
Свою судьбу от сотворенья чувствуя и зная,
Душа, оставив тело, упорхнёт в небесную обитель,
Где исцеленья радость и божественный спаситель.

Многогранность

Был человек, желающий ответа,
Существовал гордец, не принимающий совета.
Он был один, ему было подвластно
То, что для глупых мерзко и опасно.

Шагая смело, не бросая назад взгляды,
Чудак, не замечая, извлекал разящие тирады
О жизни, смерти, суете постыдной,
Величьи, горе, немощи обидной.

И, к удивленью очень многих
Господ решительных и строгих,
Шут был представлен в высшем свете,
Удача дерзкая за то была в ответе.

Круг замыкается, все люди смотрят странно,
Толпа кружит, преследует, теряется спонтанно.
В оковах общества фальшивых масок
Простолюдин не замечает ярких красок.

Чужой для всех, как зверь, колючий,
Расправил стан упрямый и могучий.
Понять нет сил, побег позорный невозможен,
К конверту кнут приличия приложен.

Для всех иных то честь и земли рая,
А для него – толпа развратная, пустая
Улыбок своды не взимают ласки плату,
Намёки пошлые готовности к разврату.

Цветы украсят праздник на мгновенье,
Но позже только смерть прекрасных, лицезреньё
Людей в цепях из угнетающего страха,
Восставших из могил раскаянья и праха.

Вонзает око меч, исполненный печали,
Любовь с монетой праздно обвенчали,
Где суть их понимания и знания
В корысти, злобе, столах содроганья.

Цепляясь за последнюю и слабую возможность,
Проворно переждав сковавшую тревожность
Путь устремил к напиткам, где сокрыта
Вся боль и радость, что была разлита.

Опустошив стакан, другой прождал спокойно
Минуты две и выпит был пристойно.
Ускорилося теченье времени, что обветшало.
"Интеллигенту" совесть больше не мешала.

А позже к месту объявили танцы.
Происходившее сумеют описать лишь стансы.
В движеньях смел, развязен без причины —

Искусство пьяного сочли достойным чертовщины.

И удивленью публика найти сумела меру,
Подсунув грязную медаль столь удалому кавалеру.
Шептались, спорили, безудержно вопили,
Все о кутиле страстном долго говорили.

Какой сюрприз являл собою скромник по призванью,
Рождая сотни сплетен, чуждых ожиданью,
Слова тот щёголь подобрал весьма удачно,
Ничто из сказанного не было невзрачно.

Итогом фразы становилась мудрость,
Что удивительно, ни скука, ни занудность
Не рвали его сердце дико.
Всё было весело, ничтожно и велико.

Когда миры усталые пронзали очи,
Когда закат предвестником был ночи,
Очарованьем гибельным манил робеющие губы,
Мгновеньем позже утихали стонов пламенные трубы.

Лишь минул год, и он уже опрятен
И многим люб, радушием приятен.
Любимый гость, чьи речи жадно поглощают,
Его же связями и нежностью прельщают.

По сплетням – трижды разведён и дважды коронован,
По слухам – схвачен, изувечен, арестован,

По домыслам – всё вместе в одном человеке,
Война и мир в терзающем нас веке.

Желанный гость, пусть и без состоянья,
Он вторил душам без таланта и призванья,
Проникнув в глубину, объяв смиренно
То, чем дышали люди долго, вдохновенно.

И снова речь, и снова слово,
Всё для того доступно и готово.
Час тишины, рассказ нетленный
Умчался, словно отблеск молнии мгновенный.

Гипноз ли, колдовство, мечтанья,
С основой мира жаждет сочетанья
Тот, кто услышит окрыляющие речи,
Довольствуясь мечтой почившего предтечи.

Революция

Снимайте оковы, бросайте лопаты,
Сегодня мы все палачи и пираты.
Рожаем наш дикий, пугающий вой,
С тиранами в пепле бросаемся в бой.

Судить будем строго, жестоко безмерно,
Мы больше не в страхе дрожим суеверно.
Над пропастью люди, а в ней только тени,
Сметённые бурей, склонили колени.

Вчерашние боги сегодня лишь тлен,
Их жребий лишь гибель, их жребий лишь плен.
Гордыня, снобизм, показное величье
Отныне не знак и не символ отличья.

Подонки успели в толпе затеряться,
Желают громить, убивать, наслаждаться.
Над ними монета – единый правитель,
Надёжный союзник, любимый учитель.

За лишние деньги тиранят народы,
Прельщаемы тьмой и развратом, уроды,
Мы шли за идею, за смысл, за свободу,
Но нам не сломить человека природу.

Милосердие

Пусть богослов толкует о прозрачном,
Неясном мире, чуждом и невзрачном,
Его уста чисты, исполнены надежды,
Неприкасаем для порочного невежды.

Но наш вопрос, увы, не в старом боге.
Наш интерес в унылом, загнивающем остроге,
Куда попасть легко, но путь судьбы обратный
Для смертного, как адский зверь невероятный.

В попытках укротить чужую ярость
Мы обретаем боль, гнетущую усталость.
Неблагодарны люди по своей природе,
Отдав свой разум мысли о свободе.

Взывать умеют все, благодарят же редко,
Мораль слепа и не стреляет метко.
И даже принципа простого равнозначного обмена
Последовала мука, казнь, скорейшая отмена.

Что значит долг, иллюзия обмана,
Уловка грязного, кровавого тирана.
И всё-таки пусть будет это чувство свято,
Хоть нами оно предано, поругано, распято.

Праведник

Сокрытый мир в глазах пророка
Судьбы порочной, дьявольского рока.
В его глазах не отражается беспечность,
Он воспринять способен только вечность.

Истерзан злом, добром распят,
Как зверь на вертеле, он пламенем объят.
Его мечта – от дара избавление,
Отринув боль, печальное видение.

Желал пророк стать жертвой краха,
Пусть цель его не боль, не плаха.
Велик тот груз, что он несёт день каждый,
Могучий бог, нелепый и отважный.

Разрушат многие его обитель,
Для всех он враг и осквернитель.
Плачь по нему, моя смешная муза,
Оставив сталь земного груза.

Увы, не в силах превозмочь невидимую власть,
Мы обретаем похоть, обретаем страсть.
Забытый, проклятый, принужденный страдать,
Он жил, он верил, он умел мечтать.

Вопль

Кричи, во мраке тишины распятый,
Грехом, позором, пошлостью объятый.
Над бездной ты склонился безучастно,
Провозглашая гибель мира громогласно.

Ведомый светом, тьмой возвращённый,
Ты странствовал по миру, обречённый
Искать мечту и к мудрости стремиться,
Её пленить, отбросить, отрешиться.

Противоречию такому не найти причины.
Подобно богохульству, гневу чертовщины,
Пьянящим эликсиром наполняют горечь смрада.
Для них порок – единая отрада.

Иллюзия, дурман, отравленные речи,
Холодный взгляд, погашенные свечи,
Кинжал в руках, улыбка на устах,
В могиле нежность, совесть в кандалах.

Как это нам знакомо, и как дико,
И мерзко, и ничтожно, и велико.
Необходимо нам понять, изведать человеческую суть,
Чтобы открытым стал для смертных праведности путь.

Бог

Тот, кто следит нелепо и невзрачно,
Кто ускользает тихо и прозрачно,
Его могуществу не зная меры,
мы полагаемся на сказки дикой веры.

Фантазм, мираж, жестокие проклятья,
Посулы жалкие и мерзкие объятья.
Так пали люди, возвышаясь,
Убогой прихоти тлетворно предаваясь.

Проста их цель, она понятна,
Скучна, смешна, причудлива, невероятна.
В чертог стремится каждый человек,
Когда погибель плоти ограничивает век.

Наивные мечты постыдного желанья,
Рождающие спесь и трепет содроганья.
Богами мните вы себя, но плоть увянет,
Раскаянья не зная, час настанет.

Бессмысленными будут ваши жалобные крики,
Разбитые тела, истерзанные лики.
К молитве праздной вы склонялись ежечасно.
Ответ последовал жестоко громогласно.

Унявши трепет головы, подняв едва взирая,
Вы веру обрели и, тихо причитая,
Надеясь получить великую награду,
Изрёк народ гнилую, ядовитую тираду.

Но вечен тот, кто на земле и в небе,
В любом вулкане и на каждом бреге
Он абсолют могущества и власти,
Величия и славы, ярости и страсти.

Он видел всё, он понимает,
Как смертный свет и тьму нелепо сочетает,
Но он простит, подарит исцеленье
Тем, кто, покаясь, заслужил небесное прощенье.

Воля

Она живет, она страдает,
В ее глазах наш смертный люд нищает,
В помойной яме находя гниющую замену,
Свершая силе чистой дерзкую измену.

Как много можем предложить мы излиний
Во имя искупления невзгод и ослепляющих страданий,
Но есть предел, который многим неподвластен —
Он абсолютен, он холоден, далек, бесстрастен.

Разумный быстро заклеит необратимость,
Глупец падет, приняв неотвратимость,
Чья воля не тверда – вкусит небытие со страстью,
Чей дух могуч – восстанет облеченным властью.

Глаза подобны фонарям на небосводе.
Отдав приказ всепроникающей природе,
Таят иную жуткую опасность —
Ей имя тьма и вотчина негласность.

Пираты

Как бог людей трепещущее пламя
Врагам на спины водрузил он знамя,
Его мечты давали грешным проклятую силу
Без колебаний рыть святым глубокую могилу.

Блистал пират в своей ужасной славе,
Предавшись битвы тягостной забаве.
Рука его омыта липкой кровью,
Душа слаба, сокрыта болью.

Исполнив труд тяжелый и напрасный,
Вновь устремляет взор стремительный и ясный
К иным мирам, распутствуя безбожно,
От мира взяв металл нелепо и ничтожно.

Когда кутить матросы перестанут,
Пороки усладив, из мерзости восстанут,
Их капитан ведет на штурм иного бастиона
Далеких стран неведомого трона.

Чужие берега встречают дьявольские очи,
Сокрытые во тьме безлунной ночи.
Их цель – дворец, их мощь во нраве,
Лишь потому они сражаться вправе.

Нежность

Писать про это чувство в тишине возможно,
Отбросив всё, что жалко и ничтожно,
Проникнуть в суть ярчайшего светила,
Чертог амура, где покоится та сила.

Пред ней мы слепы и не понимаем,
Как раним больно, подло угнетаем
То, что доньше было чудно и прекрасно,
О том вещают слухи громко и опасно.

Позор такой усталой музе-недотроге.
Склонять в тоске и пасть в тревоге.
Желает обмануть, запутать, отвернуться,
От сна творцу, увы, не суждено очнуться,

Как превзойти две сотни славных поколений
Стихов великих ярких песнопений
И описать детальней божество из света,
Царицу зим и королеву лета.

Ей незнакомы страх и утомленье,
Как не страшны позор и угнетенье.
Над миром царствует, порхает,
Не предавая, только возвышает.

Мизантроп

Ты жизнь, ты смерть, ты мрак, ты света праведного
трепет,
Ты беспокойный дикий лепет
Гонца разбитого, утопшего в слезах,
Влачишь свой век постыдно в кандалах.

Как, для чего и по какой причине
Подвластный небу или дьявольской пучине,
Когда-то страстью живший, полыхавший,
На крыльях юности безудержно порхавший,

Отныне тень, скелет, раздавший душу,
Кричал: "Убью, солгу, разрушу!"
Гордец склониться пред любовью отказался
И, будучи пустым, в просторах лимба затерялся.

Зачем судьба, зачем такая мера
В глазах ничтожества и изувера?
Ничто не видит ценности сердечной,
Как миг короткий и как космос бесконечной.

Увы, его слова смягчить нет эликсира.
Кругом война, нигде худого мира.
Развратный взгляд, нутро всё сгнило,

Что жило, верило, мечтало и любило.

Он молод был, а истина доступна,
Груба, уродлива, тщедушна и преступна.
Познав её, истаёт совершенство,
Намёком пылким посулившее блаженство

Найти покой, найти ли исцеленье.
Подарит жизнь ещё одно мгновенье,
В котором воскресят поруганные чувства
С изяществом величия достойного искусства.

Эгоист

Я дверь открыл и потонул во мраке,
Но он не стал мне колыбелью.
Забывшись в пьянстве или в драке,
Я место уступил раскаянью, похмелью.

Шлейф из предательств, горя и утрат
За мной влачится вестником порока.
Обязан, должен, проклят, виноват
Терпеть свой век до рокового срока.

Моя душа есть почерневший лист изломанной бумаги,
Клеймённый нечестивцем, полным злости.
Я призову последнюю искру погашенной отваги
И разбросаю наземь вражеские кости.

Кровавый путь без чести, доблести и славы
Избрал несчастный гордо и надменно,
Сразив копьём оскал ничтожной, алчущей оравы.
Я брошу взгляд на недругов презренно.

В моих мечтах, души моей отравленном скелете
Немногое осталось от бывшего, а грядущее ужасно.
В какой тоске, нелепой мудрости, ответе
Найти свой путь, чтоб прожитое не было напрасно?

Утопия

Я воспевал однажды скупое нечто —
Забывший сад из боли и тревог.
Он был оформлен крайне безупречно —
Оазис лжи и мерзости острог.

Подобный тени, мелкий серафим
Мне отопрет врата и растворится в ярком свете,
Как прежде, скован, ранен, нелюбим
В своем простом обыденном совете.

Переплывая океаны звезд, отвратно видеть их сиянье,
Пустой, холодный, скорбный идеал,
Тщедушный вопль и гадкое молчанье.
Так смертный правит, где бог пал.

Мы так смешны, мы так непостоянны.
Отводим взгляд, стыдимся чувствовать, мечтать.
Пускай любовью обогреты, приняты, желанны,
Нет воли сердце пылкое отдать.

А без любви душа страдает ежечасно,
Кровоточит её фонтан, в котором было зримо,
О чем вещали сказки глупо и опасно,
Бесстыжий мир, где все осуществимо.

Меланхолия

Как в тишине ночной облитый светом
Несчастный грешник обратился за советом —
Так месть моя, забыв презренье,
Томится, множа боль и наставленья.

Зачем идти вперёд? Итог один – могила.
Слова пусты, в них нет того, что называют «сила».
Удар судьбы – трагичное, нелепое паденье,
А миг спустя – земное погребенье.

Находит грусть от этих мыслей праздных,
Смешных, печальных, гадких, безобразных.
Извилист путь, творец предатель,
Людских надежд причина и создатель.

Замкнулся круг, ворота в отдаленье.
Пал человек, испив оцепененье
Грехов, стыда, порока, смрада...
Его последняя, ничтожная отрада —

К вершинам путь держать по воле света,
Чураясь пошлого, отвратного обета,
Ведь жить не значит упиваться слепо
Тем, что творцом даровано, согрето.

Зависть

Велика её глупость, бесконечный поток
Не иссякнет, подобный зловонный исток,
Показав миру лик агрессивной мегеры,
Навсегда унижаются символы веры.

Понимание слепо пред злостью глухою,
Чью корысть и притворство я лично открою,
Как, зачем и когда увядают прекрасные розы
По причине убогой метаморфозы.

Так хрупка эта грань, так боится касанья,
Не увидев любви, не познать обладанья.
Почему люди так беспричинно жестоки,
А позднее забавны, слабы, одиноки.

Страдание

Я над землёй парю без веры,
Не зная бед, не зная меры.
Исторгнуть желчь из копоти и смрада —
Единственная, в сущности, отрада.

Мертва любовь, чьи розы истлевают,
Немногие подобное познают.
Из глубины пороков, множащих напасти,
Рождается гниенье новой страсти.

И в тишине, и в треске бури,
Во мгле ненастья, голубой лазури
Всегда со мной унылое страданье,
Его дурман, усталых очертанье.

Пусть океан поглотит прежние печали.
Души запасы стёрлись, обнищали.
Целить себя упорством больше невозможно,
Зывая к небесам сурово и тревожно.

Быть лучше пленником телесных мук ужасных,
Чем богом и творцом сомнений пагубных, напрасных.
Однажды плоть залечит угнетающую рану,
Но духа суть не повинуется обману.

Действительность

Мой страх, моя печаль, моя тревога,
Как некогда бессильная и жалкая подмога
Должна дать сил, но топчет добродетель.
Тому я сам несчастнейший свидетель.

Всегда есть цель, всегда найдётся средство,
Чтоб пережить подобное коварное соседство.
Венец из стали, очи тварей ядовитых,
На мерзости и пакость даровитых.

Их не спалить и не сразить ударом,
Не взяты льдом, объятые пожаром,
Они, как черви, в сердце слабом угнездятся
И множатся, и множатся, плодятся,

Грехи, пороки, смрад и блуд,
Всю суть людскую поедают тут,
А мы, довольные, гонимые тираном,
Себя целим фантазией, обманом.

Однажды нам придёт пора очнуться,
На прошлое брезгливо обернуться,
Понять, зачем себя мы так терзаем,
Великий свет кощунством омрачаем.

СМЫСЛ

Над увяданьем жизни никогда не станут властны
Те существа, что более опасны
Зверей, затравленных и осквернённых,
Злой яростью возмездия пленённых.

Напрасен труд, охота подлая на вечность,
Явив себя и пошлую увечность,
Костями ляжете, и обглодает время
Телесности гнетущей уязвляющее бремя.

Живыми мы предстанем на кратчайшее мгновенье,
Вобрав тоску любви и духа впечатленья.
Итогом станет миг ушедшей боли скоротечной
В страданье дерзкой, но не вечной.

Недолгим будет путь, отмеренный годами.
Коснувшись истины холодными перстами,
Закроет очи пленник мира,
Падёт во мрак, что именуется могила.

Горька та участь, что приводит к окончанью
Деяний смертных вопреки томящему желанью.
Пусть так случится, смерти не страшитесь,
Цените то, чего когда-нибудь лишитесь.

Я пытался сказать, что люблю

Я пытался сказать, что люблю,
Но к чему это тяжкое бремя.
Я пытался сказать, что люблю —
Погловило мечту беспощадное время.

Я пытался сказать, что люблю —
Вы смеялись, играли жестоко.
Я пытался сказать, что люблю,
Пусть мне было весьма одиноко.

Я пытался сказать, что люблю —
Пролетели года, об одном сожалею:
Я пытался сказать, что люблю,
И лишь имени вашего молвить не смею.

Современность

Одни миры мы расточаем ежечасно,
Взывая к славе мерзко, громогласно.
Над нами трон туманный из сапфира —
Дитя иллюзии и смрадного эфира.

Цели, мечты умножают предателей свору.
Нынче мы верим убийце, насильнику, вору,
А церковь для нас лишь пустая обитель.
Зачем же тогда умирал наш спаситель?

Продана вера за миг сумасбродства,
Свидетельство боли и духа уродство,
И незачем жить, набивая утробу,
Считая богатство путем на свободу.

Так просто, так дико случилась подмена понятий
Без криков, без воплей, без теплых объятий,
За времени миг, чей удел скоротечность,
Истаяла в нас на века человечность.

За кем нам пойти и кому нам доверить,
Морали ту грань не познать, не измерить,
Преступая которую, пал человек
В наш великий и глупый, измученный век.

Грешник

Покуда тьма моя усталая гробница,
Сверкает в небе страшная зарница.
До тех времён лишь мрак и злобу
Являет мира праздного утроба.

Искать пути спасенья и возврата
От цепких лап позора и разврата
К тому, что прежде называли честью,
Не посрамлённую отвратной лестью.

Но как осуществить подобное возможно,
Растратив век утех напрасно и тревожно,
Отдав войне и похоти последних сил мельчайшие
остатки,
Дух отторгает все телесные приатки.

Живого взгляд зятанут пеленой туманной,
Мысль ускользает от него дорогой странной,
У бога требует, отчаявшись, ответа,
Но богу безразлична жалкая, постыдная монета.

Вот наконец он осознает чувство ясно,
Пусть тяжело и горько, пусть напрасно,
Поверьте, знать ответ бывает очень важно,

Вступая в смерти круг печально и отважно.

И содрогнётся вдруг измученный несчастный
От трепета пред тем, что он бесстрастный.
По сути и по нраву исчезает с силой,
Укрытый навсегда связующей могилой.

Быть может, воспарит, но раньше суеверья
Ему подарят прелесть позднего, увядшего похмелья
В последний миг, как сердце пламенное бьётся,
Пока не стихнет жила, бытия миг не прервётся.

Да воспоют сияние прощённого святые лики,
Что нам известны, незнакомы и безлики.
В огне грехи, душа в божественном сапфире
Блаженствует в небесной выси и эфире.

Человек

Душа-человек, бесконечный поток,
Где жизни твоей прокажённый исток?
Как краток, печален твой миг сумасбродства,
Тщеты, сумасшествия, боли, уродства.

Ты молод и стар, ты кукла из тлена,
Тщеславный гордец, утрашившийся плена.
Мечту сотворив, зеркала разбиваешь,
Покуда свой путь на земле продлеваешь.

Ты был прежде зрячим, отныне ты слеп,
Скрываешь свой хохот, смиряешь свой бег.
Протянуты длани к юдоли скорбящей,
В чертоги эфира тебя уносящей.

Ты трепет, ты смерть, ты все тяготы мира
Сумел отвратить в ожидании пира.
Расставлены сети, разинута пасть,
Разумность померкла, осталась лишь страсть.

Зачем уязвляешь ты сердца остывшего жилу?
К тебе обращаясь, слагаю я лиру.
Твоё понимание скудно, убого,
И потому говоришь ты так много.

Veritas

Где вечность таланта, сияние света,
Тревога в коварстве дурного совета,
Смещение нравов, баланса и меры
Под властью пороков, тщеславия, веры.

Всё скрыто давно на просторах вселенной
В основах любви и гордыни нетленной.
Мир жалкий подобен душе нечестивца
В поступках злодея, в наградах счастливица.

Отвергнут венок из цветов благородства,
Был принят букет из грехов и уродства.
Он сладок в огне и в гниении нежен,
В позоре он свят, а в тоске безмятежен.

Суть, смыслы, всё старые свечи
Погашены смрадом отравленной речи.
Проста их мораль, а их облик ужасен.
Призыв к милосердию глуп и напрасен.

Их меч – это слово, копьём станет знамя,
Разящее плоть, создающее пламя.
Под тряпкой из боли и гнева
Приют обретут лишь мечты изувера.

Его не постичь наивным желаньем,
Не вызнать секретов простым созерцаньем.
Он есть полнота и свобода юдоли,
Терзающей смертных, исполненных воли.

Путь будет кровавым, жестоким, бесчестным,
Нелепым, убогим, смешным, интересным.
Итогом же станет иссохшее бремя,
Скульптура творца, обманувшая время.